

Процесс сселения хуторов на Псковщине (1930-1960-е гг.)

В 1920-1930-е гг. произошел решающий перелом в деле перехода от индивидуального крестьянского хозяйства к общественному, коллективному, затронувший судьбы и хуторских хозяйств. По мнению органов Советской власти последние тормозили проведение коллективизации, вносили в деревню раздробленность и мешали преодолению «частнособственнических» пережитков. Поэтому начался сложный и противоречивый процесс ликвидации хуторов и переселения крестьян в деревни и поселки. В силу особенностей экономического уклада он охватил прежде всего основные районы хуторского расселения - Западный и Северо-Западный, к которым относился и Псковский край.

Хуторское землепользование получило широкое распространение в ходе проведения Столыпинской аграрной реформы. По переписи 1916 г. наибольшее число хозяйств хуторского типа имелось в северных и северо-западных губерниях, составляя 29% всех крестьянских дворов.¹ Продолжали расти хутора и в первые годы Советской власти. Так, если в 1917 г. под хуторами и отрубам находилось 18,3% всего крестьянского землевладения Псковской губернии, то в 1926 г. - уже 29,3%.² Что объясняется стремлением крестьян приспособить свое хозяйство к естественно-географическим условиям региона, а также стремлением их «осесть на хуторе полным и ни от кого не зависимым хозяином» и улучшить тем самым свое экономическое положение. Сказывалось и пограничное положение края.

Политика Советской власти в отношении хуторского хозяйства в начале 1920-х гг. была противоречивой: с одной стороны, она не препятствовала организации новых хуторов и не запрещала крестьянам выходить из общины, а с другой – стремилась поддерживать в первую очередь коллективные хозяйства, получая

Кононов Алексей Александрович – выпускник исторического факультета Псковского госпедуниверситета им.С.М.Кирова (2005 г.)

продукцию в виде продналога с тех и других. Земельный кодекс 1922 г. предоставил хуторской форме землепользования равные юридические права наравне с другими, но в 1924 г. Наркомзем РСФСР дал указания местам о сокращении хуторского разверстания и прекращении дальнейшего выделения на хутора.³ Под хуторские расселения теперь отводились лишь неудобные земли.

Но решающие последствия для хуторского хозяйства имела развернувшаяся на рубеже 1920-1930-х гг. сплошная коллективизация. Сводившиеся в единый массив земли объединенных в колхозы крестьянских хозяйств не оставляли места ни общинному, ни хуторскому землепользованию. Многие хуторяне добровольно вступили в колхозы, оставаясь проживать на прежних местах, другие же переселялись в колхозные поселки. Но велик был среди хуторян и процент единоличников, и постепенно, с завершением сплошной коллективизации, Советская власть пришла к мысли о «стягивании» хуторян в колхозные поселки.

Инициативу в этом деле проявила Калининская область, где к 1935 г. имелось свыше 4 тыс. колхозов с хуторским расселением, в том числе исключительно хуторское расселение имели свыше 600 колхозов.⁴ Инициатива была одобрена Наркомземом СССР, и вскоре последовало предложение последовать этому примеру районам Белоруссии, Украины, Ленинградской области и др. 22 сентября 1935 г. бюро Псковского окружкома ВКП(б), рассмотрев вопрос «О хуторских колхозах», предложило разработать план мероприятий по перевозке построек колхозников, создать эскизные проекты новых колхозных селений с точным указанием расположения домов бывших хуторян.⁵ Спустя месяц появились первые сводки о типах сселения хуторов в различных районах Псковского округа. Наибольшее их число было зарегистрировано в районах - Стругоокрасненском - 3861, Новосельском - 3030, Лядском - 1739, Гдовском - 516, которых в первую очередь и коснулось мероприятие по сселению.⁶ На ос-

нове составленных райисполкомами планов выяснилось, что на мероприятие по селению хуторов и обустройству бывших хуторян в деревнях и поселках по округу требовалось строительных материалов: леса круглого - 71960 куб. м, кирпича - 1800 тыс.шт., гвоздей кровельных - 35980 кг., стекла оконного - 1038 ящиков.⁷ Потребности в материалах были большими, удовлетворялись они далеко не сразу, что сразу же стало тормозить процесс сселения хуторов, сказывалось и нежелание переселяться со стороны самих хуторян. Поэтому темпы сселения в 1935-1936 гг. были невысокими.

Начиная с 1937 г. по районам Псковского округа были разсланы планы сселения хуторов, в одном из которых (Полновский район), например, подчеркивалось: «Необходимо в кратчайшие сроки направить в колхозы ответственных работников, которые должны выявить добровольное согласие каждого отдельного двора на переселение, потребности в стройматериалах и кредитах, необходимости трудовой помощи и согласия на оказание таковой со стороны колхозов».⁸ Помимо этого власть стремилась вовлекать хуторян-единоличников в колхозы. А доля таковых была немалой: из имевшихся в 1937 г. в Псковском округе 13110 хуторских хозяйств 2952 были единоличными,⁹ которые вступать в колхозы не торопились. Так, на одном из совещаний в окружке ВКП(б) отмечалось, что «массовая работа с единоличником почти отсутствует, ничем другим нельзя объяснить того положения, что за весь 1936 год по Палкинскому сельсовету из общего числа 145 хуторских хозяйств в колхоз вступало только 3 хозяйства».¹⁰

С 1937 г. государство усиливает помощь переселяющимся в поселки хуторянам путем скорейшего выделения строительных материалов, организации специальных строительных бригад, направления печников, лошадей и транспорта для перевозки имущества и др.¹¹ Были установлены нормы выделяемых стройматериалов. Так, на каждое хозяйство предназначалось 5 кг строительных гвоздей, по 10 кг кровельных (драночных) гвоздей, 4 куб. м леса круглого, 100-200 штук кирпича, 1-2 кв.м. оконного стекла. Предусматривался и денежный кредит в размере 500 руб. на хозяйство.¹² При этом, в обеспечении стройматериалами учитывались местные условия: в богатых лесом

Гдовском, Полновском, Середкинском и Псковском районах, например, допускалась дополнительная вырубка в лесах местного значения, а в безлесных Карамышевском, Островском, Палкинском районах предоставлялась возможность ввоза леса из других районов, но не более 2 куб. м на переселяемое хозяйство.¹³ Райкомы ВКП(б) рекомендовали максимально использовать при постройке местные материалы, а также старые крыши, использовавшийся ранее кирпич и др. материалы. При застройке же новых поселков обращалось внимание на планировку и соблюдение пожарных норм, чем занимались специальные комиссии.

Но перечисленных мер поддержки для обустройства на новом месте явно не хватало: 4 куб. м леса хватало разве что на небольшой дом, не говоря уже о хозяйственных постройках, 1 кв.м стекла - на одно полноценно застекленное окно, и уж никак не обойтись было 5 кг гвоздей. Вдобавок эти материалы выделялись не всегда регулярно, что обусловило по-прежнему медленные темпы переселения хуторских хозяйств и нежелание последних вступать в колхозы. За 1937 г., например, по Псковскому округу вступило в колхозы лишь 961 хуторское хозяйство,¹⁴ на 1938 г. их числилось на территории округа свыше 10 тыс.¹⁵ Власть пришла к выводу о необходимости принятия, помимо экономических, административных мер.

Принятое 27 мая 1939 г. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» предложило «ликвидировать расположенные в общественных полях колхозов хуторские приусадебные участки колхозников... и сселить этих колхозников к одному месту, наделив их приусадебными участками в местах сселения по уставным нормам».¹⁶ Наркомзему на проведение данной работы было выделено из госбюджета 10 млн.руб. По районам Псковского округа в 1939 г. подлежало сселению 11042 хутора, разобрано же было всего 9356, т.е. 85% имевшихся.¹⁷ Сделан был, таким образом, значительный шаг в деле ликвидации хуторского хозяйства, но полностью завершить работу не удалось. В действительности же количество хуторов было гораздо большим, т.к. не все из них планировалось сселить в 1939 г. На 10 марта 1940 г. в округе их насчитывалось 8572, по-прежнему наибольшее количество приходилось на

Новосельский, Стругокрасненский, Лядский районы.¹⁸ В 1940 г. темпы сселения даже снизились: за первые шесть месяцев удалось сселить лишь 179 хуторов вместо 3234 планировавшихся.¹⁹ Райисполкомы объясняли это различными причинами: недостатком леса и пиломатериалов, несвоевременным оказанием денежной помощи, саботажем самих хуторян и др.

В июне 1940 г. по всем районам и колхозам были утверждены календарные планы сселения, начав его сразу после окончания весеннего сева с тем, чтобы избежать ошибок 1939 г., когда процесс сселения затянулся до зимы, и завершить постройку домов на новом месте к 1 сентября. 3 июня 1940 г. такой план утвердил Псковский окружком ВКП(б). Согласно ему в срок до 15 июля предполагалось в основном закончить свозку около 2447 хуторов и мелконаселенных поселков.²⁰ Данные же на 5 сентября 1940 г. свидетельствуют, что на новом месте проживали 2002 хуторянина, было разобрано, но не перевезено 15 хозяйств, а оставалось еще перевезти 32 хутора, из которых 9 принадлежали колхозникам, 3 - единоличникам и 23 - рабочим совхозов. Все 32 хозяйства предусматривалось сселить до 20 сентября.²¹

Следовательно, план сселения в 1940 г. был в основном выполнен. Но как и сплошная коллективизация, дело переселения хуторских хозяйств не обошлось без трудностей, ошибок и даже злоупотреблений. Многие хуторяне упорно не желали переселяться, и к ним применялись меры административного воздействия. Например, в Немовском сельсовете Сошихинского района единоличник П.Семенов и колхозница артели «За колхоз» В.Яковлева после того, как их избы разбирались, несколько раз снова отстраивали их.²² Нередки были случаи, когда сселяемые хуторяне самовольно занимали колхозные постройки и наотрез отказывались восстанавливать свои, заявляя, что «колхоз разобрал его дом и пускай сам его восстанавливает». Примером может служить случай с крестьянином Васильевым из деревни Болдино Лопатинского сельсовета Псковского района. В 1939 г. постройки его были перевезены колхозом в поселок, но восстанавливать их он отказался и самовольно занял дом, принадлежавший сельсовету. За это сам Васильев был осужден на два года лишения свободы, а семья его лишена хлебного пайка. Член колхоза

«Борец» Середкинского района М.Николаев запахал на хуторе свой прежний участок, но не засеял, за что подвергся «мягкому наказанию» - два месяца лишения свободы.²³ Некоторые хуторяне, главным образом единоличники, получив кредит на переселение, отказывались переселяться в поселки, а некоторые даже проводили антиколхозную агитацию.²⁴ Воспитательная же и разъяснительная работа представителей власти нередко заменялась грубым административным нажимом. В погоне за высокими показателями игнорировались местные условия, во многих колхозах не удалось добиться сочетания переселения с сельскохозяйственными работами, что приводило к задержке переселения вплоть до наступления заморозков. Получила распространение и такая мера, как исключение из колхоза, в который хуторянин был недавно переселен. А это означало потерю имущества, внесенного при вступлении в колхоз, а нередко и приусадебного участка.

В Псковском округе в результате сселения хуторов на 1 января 1939 г. было создано 158 новых поселков, куда перевозились также здания школ и медицинских учреждений. По Псковскому округу, например, были перенесены пять начальных школ (Боровковская, Стаяковская, Лакомцевская, Понизовская, Мало-Барановская - Гдовского района) и две амбулатории (Губинская и Краснопольская - Лядского района), расположенные на месте старых хуторских усадеб.²⁵ Повысилось внимание к обустройству поселков.

Всего в процессе ликвидации хуторских хозяйств было переселено на территории Псковского округа 11142 хозяйства из планируемых к сселению 13110.²⁶ Следовательно, в довоенные годы это мероприятие полностью не завершилось. Часть ранее принадлежавших хуторянам построек перешла колхозам, другая же попросту разобрана. Бывшие хуторяне, хотя и зачастую против их воли и желания, вынуждены были переселиться в колхозные поселки.

Опустошительные последствия для Псковщины имела Великая Отечественная война: значительно сократились трудовые ресурсы деревни, подверглись разорению большинство колхозов и совхозов, уничтожены были тысячи деревень и сел. В этих условиях оставшиеся не сселенными в 1939-1940 гг. хутора в большинстве своем сохранились, а сожженные

в годы войны деревни нередко отстраивались с меньшим количеством дворов, чем до войны. Хутора и мелкодворные поселки, таким образом, обнаружили свою живучесть. К апрелю 1950 г. в Псковской области (не считая трех западных районов, входивших в 1920-1945 гг. в состав Латвии и Эстонии), числилось 1755 хуторов и мелкодворных деревень с 8847 хозяйствами. Подавляющая их часть принадлежала семьям погибших в годы войны (1617 хозяйств) военнослужащих (499), инвалидам войны (1301), не имевшим возможности собственными силами и средствами перенести их в деревни.²⁷ Во вновь образованной Великолукской области к апрелю 1950 г. было сселено 6,5 тыс. хуторских хозяйств, но их оставалось еще около 6 тыс.²⁸

Псковский и Великолукский обкомы ВКП(б) в том же году приняли специальные постановления, направленные на окончательную ликвидацию хуторского хозяйства, а в мае 1950 г. бюро Псковского обкома партии, рассмотрев вопрос «О мерах по вовлечению единоличных крестьянских хозяйств в колхозы в районах сплошной коллективизации», отметило сохранение последних в ряде районов области и приняло постановление: в срок до 20 июня провести работу по вовлечению всех единоличников в колхозы.²⁹ Как выразился первый секретарь Великолукского обкома ВКП(б) Г.М.Бойкачев, пора «покончить раз и навсегда с этим злом, разлагающим колхозы»,³⁰ имея в виду хуторские и единоличные хозяйства.

И опять, как в конце 1930-х гг., в деле ликвидации хуторов и последних единоличных хозяйств не обошлось без перегибов и даже произвола. Так, при сселении хутора «Роща» Буринского сельсовета Порховского района производившие это «мероприятие» сломали печи и трубы в четырех хозяйствах, два из которых принадлежали семьям погибших фронтовиков. После этого вдова фронтовика Дмитриева вместе с детьми некоторое время провела в бане, а потом перешла к родственникам в колхоз «Буриги». Местные организации не помогли ей даже в перевозке вещей. Сигналы об этом факте произвола были известны Порховскому райкому ВКП(б), который, однако, никаких мер по его пресечению не принял.³¹ «...Около 20 хозяйств ведут себя возмутительно, - сообщалось из Кудеверского района Великолукской области, - упорно не сселяются с хуторов, несмот-

ря на то, что им разобрали постройки. Продолжают жить у разобранных домов, в деревню не идут. Устроились возле разобранных домов, вывесили на кустах иконы, белье, проч. и так живут».³²

Ликвидация хуторов и переселение мелкодворных селений в более крупные привело к ужесточению контроля за каждым членом артели, усилению принуждения к «добросовестному и честному труду». Но все же немногие хутора устояли и в первые послевоенные годы, сохранившись и в 1950-е гг. Еще дольше они сохранялись в Печорском, Пыталовском и Качановском районах, образованных из присоединенных к РСФСР волостей Эстонии и Латвии и в 1945 г. включенных в состав Псковской области. Здесь подавляющая масса крестьянских хозяйств имела хуторскую форму расселения, преобладали среди них крепкие середняцкие хозяйства. Сначала здесь проводилась земельная реформа, а затем развернулась и сплошная коллективизация, закончившаяся в основном в начале 1950-х г. и не сопровождавшаяся массовым сселением хуторов. Тем не менее число их несколько сократилось: на 1 июля 1947 г. в трех районах насчитывалось 18165 хуторских хозяйств, а на 1 ноября 1948 г. - 17161. Еще через год их было уже 12542.³² Во всех остальных районах Псковской области в начале 1950-х гг. сохранилось лишь 655 хуторов.³⁴ Но в условиях монопольного господства колхозно-совхозной системы перспектив они не имели, и в середине 1950-х гг. власть активизировала деятельность по новому сселению хуторов. Обстановка в стране была уже другая, поэтому методы сселения хуторов отличались от методов 1930-х гг. и первых послевоенных лет. Следовало убеждать хуторян в выгоде переселения в колхозные поселки.

В периодической печати все чаще стали появляться статьи и заметки председателей колхозов, бригадиров, рядовых колхозников и даже отдельных хуторян об отрицательных сторонах ведения хуторского хозяйства. Председатели и бригадиры, например, жаловались на неудобство с организацией работ: «Каждый день чуть ли не до вечера ходишь по хуторам и даешь наряд. А в зимнее время, а также осенью, на многие хутора не доберешься вообще, потому что дорог нет, а тропы замывает и заливают водой».³⁵ Подчеркивалось, что хуторское хозяй-

ство не позволяет всем способным членам семьи принимать активное участие в общественных работах, т.к. им приходится заниматься обслуживанием личного хуторского хозяйства: пастьбой скота, охраной хутора, работой на приусадебном участке, женщинам - уходом за малолетними детьми, т.к. доставлять их в ясли за дальностью расстояния не представлялось возможным. Оставляло желать лучшего культурное обслуживание хуторян, особенно молодежи, желающей проводить мероприятия в колхозных и сельских клубах: молодежи «хочется поспорить, попеть, поплясать, просто побыть вместе», а в условиях отдаленности хуторов друг от друга это было невозможно. Председатели колхозов также отмечали, что имеются трудности с вовлечением в посильную работу пожилых людей: «как правило, два-три десятка таких колхозников обычно не получали нарядов: пожилому человеку нужно пройти с хутора на хутор несколько километров, а потом еще и обратно. И люди предпочитали сидеть дома, хотя могли бы и желают работать».³⁶ Как правило, у колхозников, живших на хуторах, всегда было меньше выработанных трудодней. Так, если в Островском районе в 1963 г. хуторян, выработавших 300 и более трудодней, насчитывалось 2576 человек, то в Качановском районе таких было всего 47, в Печорском - 14. Большинство хуторян в этих районах не выработывали установленного минимума трудодней.³⁷

Показательны, например, данные по колхозу «Красное знамя» Пыталовского района, где из 118 дворов 89 были хуторскими. Из 149 трудоспособных членов артели в 1965 г. не выработали минимума трудодней 35, а 68 вообще не принимали участия в полевых работах. В колхозе не было клуба, детских яслей, для просмотра кинофильмов приходилось ходить за 6 и более километров.³⁸ «Не ошибусь, если скажу: наличие в области свыше тысячи хуторов сильно сдерживает как рост зернового хозяйства, так и повышение продуктивности животноводства», - утверждал председатель одного из колхозов Пыталовского района.³⁹

Наступление на хуторские хозяйства шло в общем русле государственной политики по сокращению подсобного хозяйства колхозников и стремления заставить их как можно больше трудиться в общественном хозяйстве, развернутой в конце 1950-х гг. Но сселение хуто-

ров приводило к потере индивидуальных черт простого труженика, происходила нивелиризация свойств и качеств человеческой личности. Крестьянин, работая в колхозе, зачастую не видел конкретных результатов своего труда, терялся в массе таких же работников, что приносило противоположный желаемому результат: бывшие хуторяне теряли заинтересованность в труде, а многие уезжали в город.

В конце 1950-х гг. были составлены планы сселения хуторских хозяйств в Печорском, Пыталовском и Качановском районах, реализация которых была рассчитана на 6-7 лет. В 1957 г. предусматривалось переселить 800 хуторов, а в течение 1958-1963 гг. - по 1740 ежегодно.⁴⁰ На деле же темпы переселения вновь, как и в 1930-е гг., стали отставать от задуманного. Так, в Пыталовском районе за 1957 г. из планируемых к переселению 297 хуторов удалось переселить лишь 116,⁴¹ а в Печорском районе переселены были только 60 хозяйств.⁴² Лучшими считались колхозы, сумевшие перевезти и построить на новом месте 4-5 дворов, но таких было немного.⁴³ В 26 колхозах Печорского района работы по переселению вообще не начинались, и директор совхоза «Лавровский» И.Н. Данилов заметил, что если сселение и дальше пойдет такими же темпами, то полная ликвидация хуторского землепользования растянется на несколько десятков лет.⁴⁴

Причины сложившегося положения были в основном те же, что и в 1930-е гг., и прежде всего - ощущалась острая нехватка материалов для обустройства хуторян на новом месте. Директор одного из совхозов Печорского района, например, отмечал, что за пять лет на переселение было выделено всего лишь 100 куб. м леса, большинство из которого представляло собой жерди, годные только для покрытия крыши.⁴⁵ Хуторяне вынуждены были закупать некоторые материалы в Эстонии и тайком вывозить их, поскольку местные власти запрещали вывоз за пределы республики.⁴⁶ В то же время местные материалы за отсутствием соответствующего разрешения почти не использовались. Некоторые колхозы на свой страх и риск пробовали возводить дома из шлакобетона, но они оказались слишком дорогими. Имелись и факты нецелевого использования выделяемых на переселение средств, присвоения переселенческих билетов председателями колхозов. К тому же в начале 1960-х гг.

вследствие ухода части жителей в города и за пределы области вновь стало расти число мелкодворных деревень и даже хуторов. Постепенно от идеи сселения хуторов власти незаметно стали отказываться, а намеченные планы не выполнялись. Так, за 1957-1961 гг. в Печорском районе была сселена лишь 1/5 часть от намеченных к переселению хуторов.⁴⁷ Аналогичным образом обстояло дело в Пыталовском и Качановском районах. В середине 1960-х гг. о сселении хуторов гово-

рить вообще перестали, ибо процесс сокращения сельского населения стал приобретать гигантские темпы. Правда, в известном Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР» (1974) вновь говорилось о сселении мелкодворных деревень и хуторов в перспективные поселки, что на практике привело к очередному умиранию сотен населенных пунктов.

Примечания

1. Зеленин И.Е. О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации //История СССР. 1989. № 2. С.120.
2. ГАПО, ф.324. оп.1. д.495. л.7.
3. Когтикова М.Т. О ликвидации хуторов в 1935-1941 гг. //История СССР 1963. № 4. С. 122.
4. ГАНИПО, ф.3, оп.2, д. 1252, л.3.
5. Там же, д.9, л.199.
6. Там же, д.202, л.7.
7. ГАПО, ф.324, оп.1, д.460, л.14.
8. Там же, д.495, л.239.
9. ГАНИПО, ф.3, оп.2, д.202. л.7.
10. Там же. д.1176. л.29.
11. ГАПО. ф.324. оп.1. д.474. л.2.
12. Там же, д.495, л.24.
13. Там же.
14. ГАНИПО, ф.3, оп.2, д.91, л.95.
15. Там же, л. 128.
16. Когтикова М.Т. Указ.соч. С.125.
17. ГАНИПО, ф.3, оп.2, д. 161, л. 86.
18. Там же, д.91, л. 128.
19. ГАПО, ф.324, оп.1, д.460, л.14.
20. ГАНИПО, ф.3, оп.2, д.1253. л.5; д.1252, л.38.
21. Там же.
22. Там же, л.36.
23. ГАПО, ф.324, оп.1, д.492, л.9.
24. Когтикова М.Т. Указ.соч. С.126.
25. ГАНИПО, ф.3. оп.2, д.1252, л.15.
26. Там же.
27. ГАПО, ф.903, оп.1, д.648, л.12.
28. ГАНИПО, ф.5473, оп.1, д.1360, л.23.
29. ГАНИПО, ф.1219, оп.1, д.1013, л. 177.
30. ГАНИПО, ф.5473, оп.1, д.1067, л. 12.
31. ГАНИПО, ф.1219, оп.1, д.789, л.256; д.83, л.59.
32. ГАНИПО, ф.5473, оп.1, д.840, л.65.
33. ГАНИПО, ф.1219, оп.11, д.83, л.97.
34. Там же, оп.2, д.908, л. 192.
35. Псковская правда. 1956. 1 декабря.
36. Там же.
37. ГАПО, ф.567, оп.1, д. 185.
38. Там же, л.23.
39. Псковская правда. 1956. 4 января.
40. Там же, 1957. 11 августа.
41. Там же, 1958. 24 января.
42. Там же, 1961. 24 августа.
43. Там же, 1957. 24 мая
44. Там же.
45. Там же, 1961. 24 августа.
46. Там же, 16 июня.
47. Там же.